

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *Е. Окольциной*

Под редакцией *О. Рубис*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г20 Черное кружево, алый закат : [роман] /
Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с. — (Искусство детектива. Романы
Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-103841-0

...в глазах Костика заметался страх — неподдельный, жутковатый.

— Я не говорил тебе — боялся, что за сумасшедшего меня примешь! Но теперь, после твоих слов... Тут вот такая история... Мне в последний месяц все попадается девица одна. Довольно красивая, вся в черном с ног до головы, только помада красная. Я иду себе по улице, а она навстречу. И смотрит на меня. Улыбается.

— По какой улице?

— Да в том-то и фокус, что по разным! И всегда — навстречу! Причем в разных местах! Степ, она за мной следит! Несколько дней назад я не выдержал, взял и спросил: «Чего вам от меня надо-то, девушка?» У меня до сих пор мурашки по коже... Я не трус, но тут... Пробрало, Степ. Знаешь, чего она мне ответила? «Как же мне с вами расстаться? Ведь я — ваша Смерть...»

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103841-0

© Гармаш-Роффе Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

А. Блок

ЧАСТЬ I

Руки у нее сильные, некрасивые — сплошные мускулы; кисти крупные, ладони твердые. Ноги такие же прямые и мускулистые, крупная стопа, твердая ступня. Задница маленькая, плоская, а на копчике татуировка: ящерка, хвост которой уходит в прорезь между ягодицами. Обалдеть. Хорошо хоть кольцо себе не захреначила в клитор, а то ему и такая однажды попалась... Ох уж эти девки, которые всякой дурью пытаются придать себе оригинальности! Да на кой ему, мужику, такая оригинальность?! Ему нужна нормальная баба, с положенными природой округлостями, а с не жопой размером в два кулака и мышцами с анатомического плаката для старших классов!

А в ней ничего не было мягкого, округлого, женственного. Кроме, пожалуй, маленьких курносых сисек, чудом проросших на костлявых ребрах. Степан, впрочем, особо не стал с ними цацкаться. Из принципа. Она добивалась, чтобы он ее трахнул? Он трахнул. А ласки-нежности — это из другой оперетты. Это не с ней.

Он отвалился от нее сразу же, как только затихло последнее содрогание оргазма. Она с загадочной

полуулыбкой смотрела в потолок. Затем потянулась к своей сумочке, валявшейся на полу вместе с одеждой, вытащила оттуда сигареты, закурила, не спросив.

— Пепельница у тебя есть? — Она снова откинулась на подушку, рассматривая, как распрямляются завитки дыма, уходя вверх. Серебряные браслеты тонко звякнули, скользнув по ее смуглой руке.

— Нет. Пойди на кухню, возьми блюдце в шкафчике. Там и докуривай. У меня в спальне не курят.

— Неужели я тебе до такой степени неприятна?

Степан немного смутился. Одно дело думать, а другое — сказать подобное в лоб. Женщине такое не говорят... Даже такому буратино, как эта Кира!

— Я не люблю табачный дым.

Кира, ничуть не стесняясь, соскользнула с постели и потопала в сторону кухни. При движении ящерка будто зашевелила хвостом между ее ягодичками, и в этом было что-то... зоофилия какая-то, честное слово!

Степан раскинулся на постели, благо она освободилась. И зачем он ей уступил? Она извела его за последний месяц почти прямыми предложениями переспать. Ну, извела просто! Он уже не знал, куда деваться... Хотя разгорелось любопытство: за этим что-то кроется? Какой-то сюрприз? Может, она в постели большая мастерица и хочет удивить его изысками?

Ну вот, переспали. И что? И зачем? Конечно, он ее начальник — не исключено, что она хотела его расположить к себе, чтобы... Ну, прибавку к зарплате попросить, к примеру...

Да только, чтобы *расположить*, нужно же хоть какими-то достоинствами *располагать*! А тут ни ро-

жи, ни кожи... Про «изыски» вообще молчим. Бревно бревном, только ноги раздвигала. Оно ему надо, такое?!

Ее подозрительно долго не было. За полчаса можно уже и полпачки выкурить. Что она там делает, интересно? Может, ест? Или в туалете сидит?

Степан решил еще подождать. Но через двадцать минут не выдержал и, натянув трусы, двинулся в сторону кухни. Заглянул по ходу в коридор: под дверью туалета света нет, в ванной тоже. Ладно, идем дальше...

Она сидела на кухне, голым задом на табуретке. Спина взгорбилась хребтом, резко натянувшим жалкую сухую кожу. Интересно, она себя диетами изводит, дура, или просто бог обделил?

Она не повернула голову в сторону двери, и Степан обошел стол. Зрелище ему открылось следующее: перед Кирой стояла бутылка водки, оплавляя замороженные бока, и стакан. Сама она клевала носом над ним. Опытным глазом смерив бутылку, Степан прикинул, что девица заглотнула не меньше двухсот, — бутылка была целой, нераспечатанной, когда он положил ее в морозилку. Еще примерно пятьдесят бездарно нагревалось в стакане.

Он подавил волну отвращения, смешанную с некоторой жалостью. Вот ведь уё... моё. Надо ж такой уродиться нелепой. И зачем он только ей уступил, чтоб её!.. Возюкайся теперь с этой дурой!

Он взял Киру за обе руки, потянул с табурета в свою сторону. Она приподнялась и сразу же рухнула на него. Он ощутил мягкость ее груди. «Хоть какие-то половые признаки, — буркнул он мысленно. — А то трахнул неизвестно что...»

Пришлось ее обратно загрузить в постель — в таком-то состоянии. А он так надеялся, что она свалит... Одеть ее, что ли, и отвезти домой? Но кто там, у нее дома? У подъезда не высадишь, она ж и двух шагов не в состоянии сделать... придется ее до квартиры волочь, а там звонить... Мож, она одна живет, но как знать... С родней встречаться не хотелось. А мож, она и замужем, между прочим.

Он отыскал под одеялом ее правую руку: кольца не было. Ну, правильно, кому такое буратино нужно!

Степан посмотрел на ее лицо повнимательнее. Короткая стрижка, спереди чуб косой, длиннее, чем остальные волосы, черный с рыжими прядями — ненастоящими, конечно, такие пряди в парикмахерских делают. Глаза у нее с азиатинкой: линия закрытых век имела легкую тенденцию к раскосости. А в общем, лицо как лицо, ничего особенного. Не красавица, прямо скажем. Но бывает и хуже. Так что ничего, кому-то и сойдет.

Он все еще продолжал размышлять, каким бы образом выдворить ее из квартиры, как вдруг Кира открыла глаза, резко поднялась на локте, затем свесилась с постели, содрогаясь. Ее рвало. Прямо на его дорогой ковер!

Его самого чуть не затошнило от отвращения. Он вскочил, схватил халат и вылетел из спальни, прикрыв за собой дверь, чтобы не слышать отвратительных звуков. Некоторое время он сидел на диване, не зная, что предпринять, — но, когда дверь открылась и Кира, бледная, показалась на пороге, робко спросив, где можно найти ведро и тряпку, — Степан принял решение. Он указал ей на кладовку, а сам быстро оделся, положил на стол деньги на

такси и велел ей, когда протрезвеет, ехать домой, а дверь просто захлопнуть.

Остаток ночи Степан провел в гостинице, мучаясь от брезгливости и недоумения. Спал он плохо, но долго. Проснулся только в половине девятого, позавтракал наскоро в ресторане. Ехать в офис нельзя: не одет подобающе, небрит. Ночью кое-как нацепил на себя вещи без разбору, лишь бы поскорее смыться.

По дороге домой он задавал себе вопрос: не могла ли она обчистить квартиру? Конечно, она у него работает, и паспортные данные у него есть, к тому же ее Дракошка привел — не с улицы девица, чай.

И все же...

Он открывал дверь с некоторым напрягом: что увидит дома?..

Увидел ее. Кира никуда не ушла, она сидела на диване в его халате. Умытая, причесанная, если данное слово уместно по отношению к аккуратно, поперек одного глаза, уложенному черно-рыжему чубу. Она подняла на него виноватый взгляд, но ничего не сказала.

— Почему ты еще здесь?!

— Мне пришлось одежду постирать... Она сохнет. А то я на пол ее бросила, раздеваясь, и когда меня затош...

— Понятно, — пресек Степан. — Я положу твои вещи в сушилку, через пять минут сможешь надеть. Где они?

— В ванной...

В его квартире веревок для сушки одежды не водилось, и эта придурочная Кира развесила свои шмотки на стойке для душа и на поручне вдоль ван-

ны, напоминавшей скорее небольшой бассейн. Он снял все кучей, не разглядывая — трусы, лифчик, платье, — и отнес в сушильную машину.

Учуяв постороннее присутствие, он обернулся. Кира стояла на пороге кухни, крутя концы пояса от слишком большого для нее Степанова халата.

— А можно я...

Она умолкла.

— Ну, чего?

— Я есть хочу.

«Вчера ты не спрашивала, когда водяру скоммуниздила из морозилки!» — подумал он, но озвучивать не стал.

— Возьми в холодильнике, что захочешь.

Она вошла на кухню, а Степан из нее вышел, направился в спальню. К счастью, запаха не чувствовалось. Надо отдать ей должное, ковер она вычистила добросовестно и окошко открыла.

Он вытащил из шкафа костюм, рубашку, подобрал галстук... И вдруг, бросив все на кровать, вернулся на кухню.

Кира успела соорудить себе большой бутерброд с маслом и сыром и заварить чай из пакетика. Степан сел напротив.

— Объясни мне, зачем ты добивалась... этого?.. — спросил он тем особым начальственным тоном, который не предполагает возражений и отмазок.

— Этого — чего? — все же осмелилась она уточнить, откусив кусок от бутерброда.

— Не валяй дурака. Ты напросилась ко мне в постель. Зачем?

Она молчала. Степан подождал — отнес это на счет ее набитого рта. Но и прожевав, она молчала.

— Ну? — грозно произнес он, вдруг с удивительной ясностью ощутив, что причина у нее имелась, причем какая-то особенная. Не бабья дурь и не прибавка к жалованью. Что-то другое!

— Можно, я доем сначала? А то у меня в животе все переворачивается от...

— От?

— От этого разговора...

Подумав, что ее, не приведи бог, снова начнет тошнить, он кивнул:

— Позовешь, когда закончишь.

Он вновь отправился одеваться, прислушиваясь, не зовет ли его Кира. Но она пришла сама.

— Там машина сушильная уже закончила... Я не знаю, как с ней. Дай мне мою одежду, пожалуйста.

Степан, довязывая на ходу галстук, вернулся на кухню, открыл сушилку, молча протянул ей вещи. Платье, светло-коричневое, как слабый растворимый кофе, с бежевыми кантами по проймам и вороту, было сухим, но мятым.

Кира скрылась в ванной и через пару минут появилась оттуда, скорбно оглаживая короткий подол.

— Я не могу так на работу... Утюг у тебя есть?

Степан вдруг заметил, какие длинные у нее ноги. Верхнюю часть не видно, эти ровненькие бумажные палочки-ляжки, — видно только, что ноги длинные... Наверное, некоторым женщинам идет быть одетыми. Одежда оставляет загадку, над которой трудится воображение, — а воображение любит рисовать приятное!

Он кивнул на дверь в комнату, где располагалась гладильная доска и шкафы с постельным бельем и прочим домашним текстилем. Кира не прикрыла за

собой дверь до конца, и через несколько секунд он услышал, как зашипел утюг, выпуская пар.

— Я хотела тебе... вам... правду сказать... — донеслось до Степана.

— Ты о чем?

— Ты спросил... Вы... Зачем мне это нужно было... Так вот, я хотела правду сказать... Только не смогла начать...

— Начни сейчас.

Она вышла из бельевой, уже в отглаженном платье, и Степан сел на темно-синий кожаный диван, жестом указав ей на второй точно такой же, напротив.

Кира присела — скромно, на краешек, сдвинув коленки, пай-девочка. Степан попытался вспомнить, как она держалась в офисе его ассоциации, — и не смог. Он никогда не обращал на нее внимания — даже после того, как она принялась недвусмысленно намекать на свое желание прийти к нему «в гости». Он отшучивался на ходу или небрежно обещал «как-нибудь однажды почему б и нет». До тех пор, пока вчера не ляпнул: «Валяй!»

— Я не знаю, с чего...

— А что, все так сложно?

Она кивнула.

— Давай уже с чего-нибудь. Там разберемся.

— Только вы пообещайте, что дослушаете до конца!

— Дослушаю! — теряя терпение, проговорил Степан.

— Я не должна вам рассказывать, на самом деле, потому что это секрет!

Она вскинула на него глаза, в которых маячил

какой-то вопрос, просьба о поддержке, об одобрении, что ли...

Но Степан не стал ей помогать, чувствуя, что иначе они никогда не доберутся до сути.

— Это секрет, потому что меня наняли, чтобы... — голос Киры совсем упал, — чтобы шпионить, в общем... За вами.

— Дракошка? Дранковский?

— Да... Я не должна вам этого рассказывать... Но я потому к вам и напрашивалась... так активно... потому что он велел вас соблазнить и войти в доверие!

«Вот уж чего тебе не удалось, милая», — язвительно подумал Степан.

— И еще потому, что я хотела вам это рассказать, — продолжала Кира. — Получается, что я выполнила его задание и в то же время сделала то, что хотела...

Он не понял ее фразу.

— А чего ты, собсно, хотела? Рассказать, что тебя приставили за мной шпионить?

— Да. — Кира немного покраснела. — И еще я...

Она умолкла, и Степан разозлился. Мало того, что она облевала его ковер, так еще и шпионкой оказалась! И к тому же каждое слово из нее клещами нужно тянуть!

— Ну?! — грозно спросил он.

— И еще... Я хотела вас предупредить...

— О чем, ё-моё, ты можешь выразаться яснее?! Предупредить о чем? Что тебе велели шпионить, ты уже сказала. Чего еще? У меня тут прослушки стоят, что ли?

— Прослушки?! Я не знаю... А вдруг и вправду стоят?!

Кира, побледнев, вскочила с дивана. И затем

произнесла так тихо, что он скорее угадал, чем услышал: «Тогда убьют не только вас, но и меня! За то, что я вас предупредила!!!»

«Убьют»?

...Да уж, секс с Кирой и впрямь оказался с изысками!

Вдохнем поглубже, потом выдохнем. Он не ослышался? Кира сказала, что его *убьют*?!

Спокойно, Степан, спокойно. Девку эту взял на работу Дракошка. Она то ли ему племянница, то ли дочка друзей — фиг с ним, без разницы. И Дранковский велел ей набиться к Степе, президенту Ассоциации по развитию малого и среднего бизнеса, в постель, чтобы шпионить за ним.

Хорошо, допустим: Дранковский не знает вкусов Степана и решил, что у этой девахи есть шансы заделаться его любовницей, чтобы выудить у него несколько сокровенно-тайных мыслей. Проверить его лояльность по отношению к тем, кто однажды насел на него, как ледокол на льдину, и придавил всей тяжестью его идеи, замыслы...

В таком случае Дракошка сделал ход понятный, хоть и неумный. А Кира выполнила его распоряжение: набилась в постель к президенту. Но что она там плетет, что хотела ему всю правду-матку выложить? Фигли! Это запланированная часть ее роли, продиктованная Дранковским! Чтобы Степан *знал*, что он под контролем!

— Кира, у тебя хорошая зарплата?

Она удивилась, но ответила кивком.

— То есть, Дранковский... Кто он тебе, дядька?

— Нет... Он дружил с моим папой в юности... Крестил меня. И помог с работой у вас в АСТАПе...

Так сокращенно называлось детище Степана: Ассоциация Смелых, Творческих и Активных Предпринимателей.

Ясно, «бедная родственница». Богатый папочка нашел бы работу дочурке уж получше, чем должность горничной в офисе: чай подать, бутерброды сварганить, цветы полить, фиговня всякая.

— Пусть так. Он тебя пригрел, к нам в АСТАП пристроил. Ты ему обязана и выполняешь его волю. До этого момента мне все понятно. Непонятки начинаются с твоего решения меня «предупредить». За мной не только следят, но даже и жизнь моя в опасности, верно?

Кира вновь энергично кивнула, соглашаясь с вышеозначенным.

— А кой тебе черт, следят за мной или нет? Хлопнут меня или нет? Кто ты *мне*? Дранковскому ты хоть пятая вода на киселе, а мне ваще никто. Так какого хрена я должен тебе верить? Зачем тебе меня предупреждать? А?!

— Совесть... — Кира затравленно посмотрела на него.

— Чего-о-о?!

— Она мне не позволяет... Скрывать правду...

— *Совесть?!*

— Ну да.

Степан помолчал. Он давно не слышал этого слова.

Впрочем, слышал, конечно, — и недавно, и нередко. Его сотоварищ по борьбе за права малого и среднего бизнеса, а также директор основанной Степаном ассоциации Костик Урепкин, — он частенько пользовался данным словечком. Но пользовался им как грамотный пиарщик, в совершенно